

**РАССКАЗЫ
(ПРО) РЫЖЕГО
КОТА**

Морозова Дарья

6+

Дарья Вячеславовна Морозова

Рассказы (про) рыжего кота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57334505

SelfPub; 2020

Аннотация

Эти рассказы написаны с огромной любовью к моему коту Тихону, чью память я хотела бы почтить. Стиль изложения необычен: тут и диалоги с котом, и рассказы от моего имени и видение ситуации с точки зрения рыжего толстячка. В обложке использована картина Валерии Меценатовой (член ПСХ) "Караулю весну".

Содержание

2010	5
2011	12
2012	15
Глава 1	17
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Примечание:

истории от лица Тихона начинаются с «Т»,
истории, которые рассказываю я – «Я».

Наши диалоги с котом обозначены курсивом.

2010

«Я сделал первый вздох.

Наверно я очень долго спал или перегулял вчера на вечеринке, потому что я не могу открыть глаза.

Что со мной?

Я открыл рот, чтобы слуга принёс мне кофе, сигарету и свежие светские хроники.

Однако вместо слов я услышал свой жалобный тонкий писк. Более того со мной рядом кто-то пищал точно так же. Я чувствовал, как к моему невероятно слабому телу жались дрожащие лапки.

Что происходит?

Я был слеп. И я был голоден.

– Сколько котят родилось? Трое? – услышал я мужской голос совсем рядом.

Теперь я понял всё.

Я родился в теле кота.

Осознав этот факт, я закричал. Шершавый язык прошёлся по моей голове и спине. Приятно, не поспорю, однако... Кот? Почему? О Сфинкс и все кошачьи боги, за что?

Погодите, что я сейчас сказал?..

Я кричал и кричал, пока инстинкт не заставил меня прильнуть к соску мамы-кошки. Как только первая капля её молока попала мне язык, я забыл напрочь всю свою прошлую

жизнь.

Начинаю жизнь с чистого листа.

Через пару дней мои глаза открылись, я увидел маму-кошку, братьев и сестёр, людей, снующих туда-сюда.

Что за дурацкая привычка брать меня на руки? Я разве давал на это разрешение?!

Пока мы – котята – ползали вокруг мамы, она в перерывах между сном и вылизыванием нашей шёрстки учила нас:

– Очень важно найти себе человека, чтобы у вас всегда был тёплый дом и миска с едой. Но не забывайте, что главные в доме – мы, потомки Сфинксов.

Мне хорошо жилось с мамой-кошкой и её людьми. Дом был большой, и мне было, где полазить. Через пару месяцев моих братьев и сестёр стали забирать и уносить куда-то навсегда. Я тревожился каждый раз, но мама-кошка говорила, что всё хорошо, что их уносят к их людям. Так остался только я, и мне это нравилось: всё внимание мамы теперь было для меня.

Однако Её человек настойчиво совал мне прямо под нос какую-то пластиковую штуку и приговаривал: «Давай, котик, повернись лицом, нужно тебя повыгоднее сфоткать!»

Пффф! «Сфоткать»! Мою прелестную мордочку рисовать надо на великие полотна!

Тем не менее молитвы человека мамы-кошки были услышаны. Кто-то согласился меня взять. Мама-кошка вылизала меня напоследок и посоветовала быть всегда «достойным

кошачьим сыном».

Её человек взял меня на руки, засунул себе на грудь и застегнул молнию куртки. Его запах мне не нравился, громкие звуки, которые издавали то ли люди, то ли звери, пугал меня. Я пищал. Но меня никто не слышал. Человек мамы-кошки всё двигался и двигался. Наконец он замер, и мы стали ждать.

Не прошло и минуты, как рядом с нами раздался приятный женский голос и тут я впервые увидел Мою!

Я пищал, когда меня передавали ей на руки, но уже не от страха, а от радости: запах пота и ощущаемое сознательно отсутствие восхищения мной со стороны человека мамы-кошки порядком надоели. А тут я увидел распахнутый полный безусловной любви взгляд, обращённый только на меня! Конечно, мне захотелось скорее испытать: только ли взгляд способен дарить такое тепло?

Моя – именно так я подумал в первое же мгновение, как увидел её – нежно прижала меня к своей груди: мягко, и стала гладить мою шерстку, почти совсем как это делала мама.

Она передала человеку мамы-кошки блестящий кругляшок и тот ушёл. Наконец-то!

От моего человека очень приятно пахло, она была тёплая и мягкая. С ней мы вышли на свет, а потом она села в большую жестяную коробку и бережно опустила меня себе на колени. Я осмотрелся. Рядом с нами сидел другой человек, держа большой круг в руках. Похож на человека маму-кошки.

Я сразу окрестил его – Этот.

Этот спросил у Моей, как я ей. На что она восторженно защебетала, что лучше кота нет ни у кого.

Естественно!

Этот только хмыкнул и позволил себе наглость заявить, что я симпатичный.

Моя провела пальцев по моему лбу:

– Смотри, у него на лбу рисунок в виде буквы «М», как наша фамилия. Это точно судьба!

Этот одобрительно кивнул, и от меня не могло ускользнуть чувство, с которым он посмотрел на Мою: мне это не понравилось. Моя МОЯ. Похоже, что Этот просто ещё не понял нового расклада вещей.

Они привезли меня в новый дом. Тут всё было неизвестное, пугающее: местность, запахи, звуки, домовый...

– Как его назвать? – услышал я.

После многочисленных вариантов они остановились на имени «Тихон». Эх, знать бы, что мне следовало внимательнее отнестись к процессу выбора мне имени, я бы не потратил время зря, обнюхивая ковёр в комнате! Я бы хоть помяукал в ответ на разные варианты! Эх, мама, что ж ты о главном-то не предупредила.

Итак, я – Тихон.

Я быстро освоился в новом доме. В моём доме. Первую ночь люди хотели оставить меня одного в коридоре, чтобы, как сказал Этот, «не приучать к кровати». Я был не согласен.

Сидя у закрытой двери я взывал к Моей и был услышан. Она сама открыла дверь, взяла меня на руки, зарылась лицом мне в пузо и отнесла на кровать. Этот стал ворчать, но ничего не смог сделать. Значит, я правильно понял, кто в доме решает основные вопросы.

Вопреки опасениям Этого, я быстро сообразил, где в доме мой туалет. Только два раза я сплеховал прямо на кровать, но больше такого не было. Горжусь собой. И Моя гордилась мной! Я чувствовал это восхищение каждой шерстинкой, каждым кончиком усов.

Каждое утро Моя брала меня на руки, чмокала в нос, гладила и ласково расспрашивала, как я спал. Подходила со мной к окну и думала о чём-то своём, будучи ещё в плену дремоты.

Насчёт сна. Как тут спать, если домовый всё время корчит рожи сверху? Я пообещал ему страшную расправу, как только этот тип спустится вниз. Но он боится и поэтому не рискует спускаться.

Весь день Моя и Этот отсутствовали. Я не знаю, куда они уходят и главное – зачем? Разве есть что-то важнее меня?

Я времени даром не теряю, пока Моей нет, я сплю. Или хожу вместе с Домовым в другое измерение, на Ту сторону. Да, да, мы вынужденно подружились, когда он забыл ключ от двери между мирами и пристал ко мне, похоронив свою гордость, чтобы я помог ему с этим.

Он оказался неплохим парнем кстати. Взбалмошным

немного. Постоянно что-то таскает на рынок в другой мир, продаёт, а затем пьёт радужное вино в местном кабачке и поёт: «Напилася я пьянаааа».

А когда Моя возвращается, я бегу со всех лап к ней навстречу, падаю на спину и катаюсь с боку на бок, показывая пустое пузо, а в ответ слышу радостное:

– Тихон! Ты ж моя сына!

Я не понимаю, что это значит, но это звучит так нежно, что...»

Кот ткнул лбом меня под локоть и вальяжно брякнулся рядом.

– Это ты пишешь обо мне?

– Да, – гордо кивнула я. – Тебе нравится?

– Неа, – Тихон закрыл глаза и приготовился к очередному сну. – Слишком много восторженности от меня.

Тихон совсем не оправдывает своего имени: он шумный, активный, любознательный. С ним всегда интересно и хорошо.

Когда у нас гостит мой племянник, то Тихон кажется рад не меньше нашего: дети такие дети. Они бегают друг за другом по коридору: то Фёдор догоняет кота, то котёнок бежит за малышом. При этом Тихон не выпускает когти даже в запале погони, максимум, что он позволяет себе: мягкой лапой дотронуться до пятки убегающего от него ребёнка. Тиша – очень добрый и понимающий кот.

Фёдор относится к коту с опаской, так как у них в доме

не было тогда ещё потомка Сфинкса, но Тихон раз за разом завоёвывает его доверие и располагает к себе.

– Ты – удивительный кот, – шепчу я коту на ушко.

– Я знаю, – так же доверительно шепчет он в ответ.

2011

«Я»:

Когда я ждала появления на свет своего первенца, то надеялась увидеть от кота таких проявлений любви, которыми смогу удивить Интернет. Однако Тихон, вопреки всем моим надеждам, мог нагло переть прямо по животу ко мне на грудь.

– Тихон, ты же слышишь, что бьётся маленькое сердце! Там – малыш! Будь аккуратен! – я упираюсь ему в грудь и мягко отталкиваю маленький танк, прущий прямо по животу.

– Да? Но меня это не касается! Гладь меня!

Зато, чем он меня искренне удивил, так это тем, что он провожал меня до туалета ночью, сколько бы раз мне не случилось встать.

– Это уже 5 раз за ночь. Моя, ты в порядке? – бормочет Тихон, смиренно усаживаясь напротив двери в туалет.

– Да, это нормально. Тебе не обязательно ходить за мной каждый раз...

– Нет, нет, всё нормально, – Тихон зевает, прикрывает глаза и замирает в ожидании.

И я очень хочу верить, что ему это было важно. Что наверняка он клял Этого, что он не ходит так со мной, чувствуя собственное превосходство над отцом детёныша.

Когда родился наш сын, Тихону дались эти перемены в обычном укладе очень тяжело. Два дня он ходил по квартире с огромными глазами, которые были почти чёрными из-за расширившихся зрачков. Постоянно принохивался, вздрагивал. Шерсть на спине часто поднималась. Ему было страшно.

Он боялся запрыгивать на диван-кровать, который теперь был всегда разложен, потому что оттуда пахло каким-то новым существом. Новые звуки, запахи, эмоции – всё пугало кота.

К своему стыду я поняла тогда, что уже не могу каждое утро брать Тишку на руки как прежде.

Это понял и Тихон. Какое-то время он отчаянно тыкался в ноги, просился на руки, нападал сзади, сердясь, но потом принял изменения в его семье. Позже я буду брать его на руки, однако наш ежедневный ритуал до появления нашего первенца был навсегда нарушен.

Зато позже Тихон воспользовался простой мудростью: не можешь изменить ситуацию – измени своё отношение к ней. Он открыл для себя комфорт и уют от совместного сна с ребёнком. Тихон прижимался к телу сына, иногда вытягиваясь в полный рост, иногда сворачиваясь калачиком, и с явным удовольствием дрых.

Вместе с тем Тихон никогда не причинял вреда моему сыну. Ни разу. Он стоически терпел цепкие пальчики на своей морде, сносил потную ладошку вдоль своей спины, когда я

учила правильно гладить шёрстку, никогда не нападал. Всего 2 раза он мягко прикусывал палец ребёнка, который переступал границу. И я не ругала кота за это: я же видела, как сильно он старается, потому что...

— ...потому что это — твой детёныш, Моя. Я бы никогда не причинил вред этому горластому неумёхе, который так важен для тебя.

— Я знаю, Тихон, я знаю... Однако на меня ты периодически нападаешь!

— Чтобы не расслаблялась. Я же хищник!

— Другого ответа я не ожидала...

2012

«Т»:

Услышал, как люди говорят о домовом как о хорошем существе. Поразительно, ведь они никогда не видели его! Не слышали его скрипучий голос и мерзкое шмыганье носом, когда тот простужается. А ещё он – вор. Наглый и беспринципный. Если бы не я, то порядка в этом доме не было бы никогда.

Не знаю, как у остальных – домовый в доме мамы-кошки был очень стеснительным типом, скрывающимся за шкафами – а за этим типом нужен глаз да глаз.

Особую слабость он питает к украшениям Моей и сантиметровым лентам. Если первое я ещё могу понять: такие вещи в другом измерении высоко ценятся, то второе меня озадачивает.

«Я»:

– Куда понёс? – Тихон приоткрыл один глаз и проводил обманчиво ленивым взглядом домового, деловито удерживающего под мышкой ленту-сантиметр. – Уже третья за 2 недели. Моя обыскалась их.

Домовой замер в испуге и открыл рот, силясь что-то сказать поправдоподобнее.

– Мне... Да так... Нужно.

– Вернёшь? – Тихон явно нехотя поднял голову.

– Мммм, ну... когда-нибудь... наверно...

– Сфинкс с тобой. Верни серёжку.

– Какую серёжку? – домовой, который вознамерился уже убежать, замер.

– Серебряную, с маленьким белым камушком. Я её ещё жевал как-то на досуге. Я видел, как ты её в карман положил. Моя переживает. Верни.

– Не видел. Я не...

– Верни, – зрочки Тихона становятся шире, мышцы едва заметно напрягаются для прыжка. У домового по спине пробегают мурашки: он знает, что сила кошачьей ауры может его парализовать, затем точно последует расправа.

– Хорошо, сегодня вечером, – домовой густо покраснел и поспешил прочь, старательно семеня короткими ножками по стене.

Тихон положил морду на лапу и, успокоено засыпая, подумал: «Надо было потребовать валерьянку с Той стороны. Лень самому идти».

Глава 1

«Я»:

Сложно поверить в отсутствие души у животных, когда наблюдаешь за их странными привычками, которые не могут быть продиктованы исключительно голодом, жаждой или необходимостью во внимании. Владельцы... Хозяева... Компаньоны кошек (так точнее) согласятся со мной. У каждого животного – свои предпочтения и странные пристрастия.

Так, например,..

– Моя! – раздаётся требовательное мяукание из ванной.

Я пытаюсь дорезать овощи для супа и одновременно придумывать всё новые занятия для сына, который находится рядом.

– Тихон, прекрати! Пожалуйста! – ворчу я, уже зная желание Тихона.

– Моя!!!

– Тихон, нет! Хватит! – я отнимаю у сына кошачью еду и ставлю её на стол.

Домовой хихикает из воздуховода в ванной:

– На что спорим, что не придёт?

– Придёт. Если выиграю – с тебя валерьянка с Той стороны, – довольно щурится Тихон.

– А если выиграю я, – самоуверенно хмыкает домовой, – то...

– Этого не будет, – твёрдо отрезает кот. – МОЯ!!!!

– Тихон, ну что? Что? – я врываюсь в ванную.

– Воды.

– Я не включу кран! Я час назад вымыла миску с водой и налила свежую воду. Как я это делаю КАЖДОЕ утро! Иди и пей оттуда!

– Не могу! – Тихон весомо переминается с лапы на лапу. – Включи воду!

– Не буду! Ты пьёшь чуть-чуть, а потом сидишь и просто смотришь на неё.

– Ты жестокая! Включи воду. Я хочу пить.

– Нет. Пей из миски!

– Не могу.

– Почему?

– Потому что она не журчит...

– Это невыносимо, – выхожу из ванной.

– Не включила-таки! – гогочет домовой.

– Мы спорили на то, придёт ли она, – напомнил ему Тихон, мстительно улыбаясь, отчего его оппонент нервно сглатывает. – Валерьянка. С мятой и дыханием Сфинкса. СЕЙ-ЧАС!

Глава 2

О чём обязательно надо сказать, так это о любвеобильности моего кота.

Стоило в доме появиться особе женского пола, как Тихон тут же включал режим «ЛОВЕЛАС» и отыгрывал его по полной.

Он всегда выходил в коридор, чтобы поприветствовать гостя, и если им оказывалась женщина, то его глаза тут же прищуривались, становясь маслеными, уголки щёк взмывали вверх, а харизма и обаяние врубались на полную катушку. Тихон шёл к своей «жертве» медленно, вытягивая задние лапы и задрыв хвост: красовался.

Ни одна гостья не могла устоять перед его чарами: самые стойкие «ломались» максимум через 15 минут и начинали тянуться к его мягкой шёрстке, невольно начиная говорить ему комплименты, понижая голос.

– Моя, не ревнуй. Я просто проявляю гостеприимство.

– Знаешь, слишком довольная у тебя морда, когда тебе предлагают пойти к ним домой.

– Но я же не соглашаюсь, правда? Чего не сделаешь для того, чтобы доставить женщине удовольствие?

– Тихон, тебе не стыдно?

– А должно быть?

– На моих глазах заигрываешь с другими...

– Я всего лишь дружелюбен, – перебивает он меня, вытягиваясь на полу перед мной в струну.

– В прошлой жизни ты наверняка...

– Был неотразим, как и сейчас, – снова затыкает мне рот Тихон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.